

мание, то методы богословия должны базироваться на особом даре благодати – созерцании и духовном видении.

V. A.

Ducha Świętego – kontemplacji i wizji duchowych.

V. A. (H. L.)

Лишние люди

Термин, применяемый в художественной, публицистической и научной литературе; определяет поколение интеллигенции 40 гг. XIX в., элиту России при Николае I; впервые был употреблен И. Тургеневым в заглавии рассказа *Дневник лишнего человека* (1850).

Согласно некоторым интерпретациям, феномен „лишних людей” не ограничивается первой пол. XIX в., но представляет собой явление, характерное для общественных отношений в стране, в которой появился особый слой → **интеллигенция**, остававшаяся в оппозиции к вотчинной, абсолютной, а потом тоталитарной власти. Сторонники этой теории находят образы лишних людей в жизни и литературе России с петровских времен до современности.

„Лишние люди” – это герои с огромным интеллектуальным потенциалом и нравственными достоинствами; из-за отсутствия веры в успех своих действий и из-за объективной невозможности их реализации они не способны действовать ни индивидуально, ни в обществе. Известные благодаря многочисленным литературным, мемуарным и эпистолярным произведениям, они составляют групповой портрет поколения, его жизненных путей и литературно-философских увлечений (огромное значение для реконструкции их судеб имеет мемуарное творчество → **А. Герцена**). „Лишний человек” – это представитель последнего поколения дворянства, которое еще пользовалось монопольным

Zbędni ludzie

Termin używany w literaturze, publicystyce, opracowaniach naukowych; określa grupę pokoleniową inteligencji lat 40. XIX w. stanowiącą elitę intelektualną Rosji Mikołaja I. Nazwy tej użył po raz pierwszy I. Turgeniew w tytule opowiadania *Dziennik człowieka niepotrzebnego* (1850).

Według niektórych interpretacji fenomen „zbędnych ludzi” nie jest ograniczony do pierwszej połowy XIX w., lecz stanowi charakterystyczne zjawisko właściwe stosunkom społecznym kraju, w którym powstała odrębna warstwa – **интеллигенция** (→ **интеллигенция**), w sposób konieczny skłócona z patrymonialną, absolutną, a potem totalitarną władzą. Zwolennicy tej teorii odnajdują postaci „zbędnych ludzi” w życiu i literaturze Rosji począwszy od czasów Piotra I aż do współczesności.

„Zbędni ludzie” to postacie o wybitnych walorach intelektualnych i, nieraz także, moralnych, niezdolne do podjęcia działań w wymiarze indywidualnym i społecznym z powodu niewiary w ich powodzenie oraz obiektywny brak możliwości ich zrealizowania. Znani z licznych przekazów literackich, pamiętnikarskich i epistolograficznych tworzą zbiorowy portret pokolenia, jego dróg życiowych, fascynacji literacko-filozoficznych, ogólnej formacji intelektualnej (ogromne znaczenie dla odtworzenia losów „zbędnych ludzi” posiada proza wspomnieniowa **A. Hercena**; → **А. Герцена**). Jest tedy „zbędny człowiek” przedstawicielem ostatniego pokolenia szlachty, zachowującego jeszcze monopol intelektualnego przywództwa w Rosji (następne pokolenie

philosophical method, the methods of theologians – contemplation and spiritual visions – should draw on the special grace of Holy Spirit.

V. A. (W. G.)

философия. Малый энциклопедический словарь, Москва 1995.

V. A./A. L.

Superfluous Men

A term used in literature, newspaper articles, scientific works; it describes a generation of intelligentsia, the so-called generation of the 1840s, who were the intellectual elite of the Russia of Nicholas I. This term was used for the first time by I. Turgenev in the title of the story *A Diary of a Superfluous Man* (1850).

According to some interpretations, the phenomenon of 'superfluous men' is not limited to the first half of the 19th century but is characteristic of a country, in which a separate social stratum of the intelligentsia, (→ **интеллигенция**) by definition in conflict with patrimonial, absolute and then totalitarian authority, came into being. Adherents of this theory find figures of 'superfluous men' in Russian life and literature from the times of Peter I to the present day.

'Superfluous Men' are people of distinguished intellectual and, quite often, moral qualities, unable to initiate any activity in social or individual dimensions due to a lack of confidence in their own success and the objective impossibility of realizing it. They are known thanks to numerous literary documents, memories, epistles which shaped a collective portrait of their generation, their lot, a literary-philosophical fascination and a general intellectual formation. Recollection in prose by A. Herzen (→ **А. Герцен**) played a significant role in recreating the destiny of 'superfluous men'. The 'superfluous man' was representative of the last generation of the gentry, which maintained a monopoly for intellectual leadership in Russia (the next generation introduced the *raznochintsy* (the men-of-various-

Лишние люди

Авдеев Н., *Наше общество в героях и героинях литературы*, С.-Петербург 1907.

Айхенвальд Ю., *Дон Кихот на русской почве*, т. 1–2, Vermont 1982–1984.

Анненков П., *Литературный тип слабого человека*, // *Воспоминания и критические очерки*, т. 2, С.-Петербург 1879; *Литературные воспоминания*, Москва 1960.

Антонова Г., *Чернышевский и Тургенев о „лишних людях“* (1859–1863), // Н. Чернышевский, *Статьи, исследования и материалы*, т. 3, Саратов 1962; „*Лишние люди*” в оценке Тургенева и Герцена в 40-е гг. XIX в., „*Философские науки*” 1962, № 1.

Бурсов А., *Лишние слова о „лишних людях“*, „*Вопросы литературы*” 1960, № 4.

Выготский Л., *Психология искусства*, Москва 1986.

Габель М., *Роман Тургенева „Дворянское гнездо” в общественно-политической и литературной борьбе конца 50-х годов*, Харьков 1956.

Герцен А., *Very dangerous !!!* (1859), *Лишние люди и желчевики* (1860).

Головин К., *Русский роман и русское общество*, С.-Петербург 1897.

Добролюбов Н., *Что такое обломовщина?* (1859).

Иванов-Разумник, *История русской общественной мысли. Индивидуализм и мецанство в русской литературе и жизни XIX в.*, т. 1–2, С.-Петербург 1911.

правом на интеллектуальное руководство в России (следующее поколение введет в ряды интеллигенции → **разночинцев**). В детстве он соприкоснулся с антинаполеоновской эпопеей, в молодости – с идеями → **декабристов**, но сам никогда не предпринял политической деятельности. Домашнее образование, которое получил в помещичьей семье, он продолжает в университете, как правило, в Московском (переживавшем тогда свой „золотой век” как центр вольнодумия). В университете он сильно увлекся философией Гегеля, находя в ней оправдание своей пассивности и подчиненности объективным историческим законам. Следующий этап – „любовное испытание” – очередное поражение „лишнего человека”, подтверждавшее его неспособность принять на себя ответственность. В дискуссии, возбужденной первым *Философическим письмом* → **П. Чаадаева** (1836), „лишний человек” занимает позиции либерального → **западничества**. Очередной этап – бесконечное путешествие за границу, путешествие – бегство, скитальчество. Смерть „лишнего человека” является последним доказательством его „лишней” жизни.

Классические литературные образы „лишних людей” это: заглавный герой *Евгения Онегина* (1833), герои прозы И. Тургенева (*Гамлет Штирковского уезда* – 1852, *Ася* – 1858, *Рудин* – 1856 и др.) и Бельтов в романе А. Герцена *Кто виноват?* (1847).

В 60 гг. XIX в. вокруг романа И. Гончарова *Обломов* разгорелась полемика, в результате которой → **обломовщина** стала символизировать отрицательные черты „лишнего человека”.

K. Ch. (P. L.)

вprowadzi w szeregi inteligencji **разночинцев**; → **разночинцы**). W dzieciństwie zetknął się z epopeją antynapoleońską, w młodości otarł o idee dekabryistów (→ **декабристы**), lecz nigdy nie podjął akcji politycznej. Wykształcenie uzyskane w rodzinnym domu ziemiańskim kontynuował na uniwersytecie (moskiewskim – wtedy uczelnia ta przeżywała swoje złote lata jako centrum stosunkowo wolnej myśli). W latach studiów przeżywał okres fascynacji filozofią Hegla. Odnajdywał w niej autorytet historii, usprawiedliwiający jego bierność i poddanie się jej nieuchronnym, obiektywnym prawom. Z następnego etapu życia – „próby miłości” – wyszedł pokonany, po raz kolejny niezdolny do przyjęcia odpowiedzialności. W dyskusji zapoczątkowanej pierwszym *Listem filozoficznym* (1836) P. Czaadajewa (→ **П. Чаадаев**) „zbędny człowiek” zajmował stanowisko umiarkowane okcydentalistyczne (→ **западничество**). Kolejny etap – to niekończąca się podróż zagraniczną, podróż – ucieczka, podróż – tułaczka. Śmierć „zbędnego człowieka” jest ostatnim świadectwem niespełnienia.

Klasyczne postaci literackie „zbędnych ludzi” to: tytułowy bohater Puszkina *Eugeniusza Oniegina* (1833), bohaterowie prozy I. Turgieniewa (*Hamlet powiatu szczygrowskiego* – 1852, *Asia* – 1858, *Rudin* – 1856, i in.) oraz A. Hercena (*Belto w Kto winien?* – 1847).

W latach 60. XIX w. wokół powieści I. Gonczarowa *Obłomow* (1859) rozgorzała polemika, w rezultacie której pojęcie „obłomowszczyzna” (→ **обломовщина**) zaczęło symbolizować negatywne cechy „zbędnego człowieka”.

K. Ch.

classes into the ranks of intelligentsia → *разночинцы*). In his childhood he would have come into contact with the anti-Napoleon ideas, in his youth he would have some contact with the revolutionary ideas of the Decembrists (→ *декабристы*), but he would never undertake any political action. His home education would be continued at the University of Moscow (at that time this school enjoyed its golden years as the centre of comparatively free thought). During his studies he would have had a period of fascination for Hegel and his idealistic philosophy. The 'superfluous man' would have found in it the authority of history, justifying his passivity and the subjection to its inevitable, objective laws. The next stage of life is the so-called 'trial of love', which he would leave conquered, once again unable to accept responsibility. In the discussion started by Chaadaev's first *Philosophical Letter* (1836) (→ П. Чаадаев) the 'superfluous man' assumed a moderately westernizing attitude (→ *западничество*). The next stage of his life is unending foreign travel, a journey-escape, or a journey-wanderings. Death, when he is still planning his life, is a successive testimony of the lack of fulfilment.

The following figures are considered classical examples of 'superfluous men': the title hero of Pushkin's *Eugene Onegin* (1833), the heroes of Turgenev's prose (*Hamlet of the Shchigrovskii District* – 1852, *Asya* 1958, *Rudin* – 1856) as well as A. Herzen's (Beltov from *Who is Guilty?* – 1847). The novel *Oblomov* by I. Goncharov (1859) evoked a dispute in which the concept of 'obломovism' (→ *обломовщина*) symbolized negative sides of the attitude of the 'superfluous man'.

K. Ch. (A. K.)

Лаврецкий А., *Лишние люди*, // *Литературная энциклопедия*, т. 5, Москва 1932.

Львов А., *Гамлет и Дон Кихот и мнение о них И. С. Тургенева*, С.-Петербург 1862.

Львов В., *Вечный скиталец*, „Образование” 1905, № 5.

Тургенев в русской критике, Москва 1953.

Эймонтова Р., *Русские университеты на грани двух эпох (от России крепостной к России капиталистической)*, Москва 1985.

Chances E., *An Approach to the Superfluous Man in Russian Literature*, Columbus (Ohio) 1978.

Chojnicka K., *Rodowód literacki inteligencji rosyjskiej*, Kraków 1992.

Ehre M., *Oblomov and His Creator*, New Jersey 1973.

Kagan-Kans E., *Hamlet and Don Quihote: Turgenev's Ambivalent Vision*, Paris 1975.

Lazari A., „Ostatni romantyk” *Apollon Grigorjew (zarys monografii światopoglądu)*, Katowice 1996.

Masaryk T., *The Spirit of Russia*, v. 3, London 1967.

Pomper P., *The Russian Revolutionary Intelligentsia*, Wesleyan University 1970.

Semczuk A., *Iwan Turgieniew i ruch literacki w Rosji w latach 1834 – 1835*, Warszawa 1968.

Turkevich L., *Don Quichote in Russia*, Princeton 1950.

Walicki J. i A., *U źródeł problematyki „zbędnego człowieka” w twórczości Turgieniewa*, „Slavia Orientalis” 1957, № 1.

Walicki A., *Słowianofilia a „zbędni ludzie” (na tle prądów ideowych lat 30–60.)*, „Slavia Orientalis” 1961, № 4.

K. Ch./A. L.